

ФОМА
АКВИНСКИЙ

ф и л о с о ф и я н а п а л ь ц а х

ФОМА АКВИНСКИЙ

СУММА ТЕОЛОГИИ

с комментариями и объяснениями
Константина Бандуровского

Издательство АСТ
Москва

УДК 1(091)(450)
ББК 87.3(4Ита)
Ф76

Дизайн серии *Ивана Ковригина*

Дизайн обложки *Дмитрия Агапонова*

В оформлении переплета использовано фото из архива Shutterstock

Перевод, составление, предисловие, преамбулы к текстам, комментарии
Константина Бандуровского

Фома Аквинский.

Ф76 Сумма теологии : с комментариями и объяснениями / Фома Аквинский; пер., сост., предисл., коммент. К. Бандуровского. — Москва: Издательство АСТ, 2019. — 320 с. — (Философия на пальцах).

ISBN 978-5-17-116720-2

Фома Аквинский известен прежде всего как средневековый теолог. Однако в круг его интересов входили не только богословские проблемы — он был еще и философом, предложившим оригинальные решения главных вопросов бытия.

Итогом его философских исканий считается «Сумма теологии», где в доступной и краткой форме Фома Аквинский делится накопленными знаниями по онтологии, гносеологии, этике и теологическим вопросам. В ней излагается рациональная система, базирующаяся на истинах, считающихся богооткровенными.

Данное издание включает ряд вопросов, которые представляются, с одной стороны, ключевыми для понимания философии Фомы Аквинского, а с другой — сохраняющими наибольшую актуальность для современного читателя.

Текст снабжен подробными комментариями и объяснениями Константина Бандуровского.

УДК 1(091)(450)
ББК 87.3(4Ита)

ISBN 978-5-17-116720-2

© К. Бандуровский, перевод, составление, предисловие, преамбулы к текстам, комментарии, 2019
© ООО «Издательство АСТ», 2019

Наш собеседник и современник

Фома Аквинский – один из крупнейших средневековых теологов и философов, признанный католиками Учителем Церкви и святым, а его учение считается наиболее близким католическому вероучению. Однако в нашей книге мы оставим в стороне, насколько это возможно, специфические теологические проблемы и сосредоточимся на Фоме Аквинском как на философе, по-своему решавшем главные вопросы философии, над которыми размышляли мыслители и античности, и Нового Времени и продолжают размышлять наши современники.

Жизнь Фомы Аквинского была не очень длинна (он прожил около пятидесяти лет) и не была насыщена внешними событиями, хотя и богата духовно. Родился он примерно в 1224 году (в то время году рождения, в отличие от даты смерти, не придавалось большого значения, и разные источники и исследователи называют разные даты), в родовом замке в Роккасекке, на юге Апеннинского полуострова. Пяти лет от роду его отдали в бенедиктинский монастырь Монтекассино, славившийся своей ученостью, а через десять лет Фома Аквинский поступил в Неапольский университет, основанный в 1224 году его родственником, императором Фридрихом II. В то время в этом регионе жило много мусульман, иудеев и греков, пользовавшихся значительной свободой; становился популярным Аристотель, Фома приобщился к его философии.

Родители хотели, чтобы сын стал аббатом богатого монастыря Монтекассино – это соответствовало бы его происхождению, но он увлекся идеями ордена проповедников, основанного святым Домиником, в котором очень высоко ценилось образование и практиковался нищенствующий образ жизни, что шокировало его родителей. Фома пытался уйти в доминиканский монастырь, однако родственники поймали его по дороге и заточили в башню родового замка. Фома оставался тверд в своем решении. Рассказывают, что братья подослали к нему блудницу, чтобы отвлечь от стремления в монастырь, но Фома выгнал ее, размахивая горячей палкой, а ночью к нему во сне явились ангелы, которые оскопили его горячей веревкой и дали белый пояс целомудрия.

Увидев непреклонность Фомы Аквинского, семья смирилась с его решением. Он вступил в доминиканский орден и сначала учился в Парижском уни-

верситете, потом в Кельнском, где преподавал знаменитый философ Альберт Великий. Затем он преподавал в различных городах Европы, активно участвовал в делах церкви и при этом всего лишь за два десятка лет сумел написать огромное количество трудов. Говорят, что когда все книги Фомы Аквинского погрузили в телеги, понадобилось семь телег. Однако в 1273 году Фоме было видение: его труды горят как солома, после чего он перестал писать. В следующем году его призвали на собор в Лион, однако по пути он свалился с лошади, зацепившись за ветку, и через некоторое время умер в монастыре Фоссанова. Здесь перед смертью, по просьбе монахов, он все же составил комментарии к библейской Песни песен, славящей любовь.

Труды Фомы Аквинского включают два обширных трактата, охватывающих широкий спектр тем: «Сумма теологии» и «Сумма против язычников» (которую также называют «Суммой философии»), дискуссии по теологическим и философским проблемам («Дискуссионные вопросы» и «Вопросы на различные темы»), подробные комментарии на несколько книг Библии, на двенадцать трактатов Аристотеля, на «Сентенции» Петра Ломбардского, на трактаты Бозция, Псевдо-Дионисия и на анонимную «Книгу о причинах», а также ряд небольших сочинений на философские и религиозные темы, письма и стихотворные тексты для богослужения. Это множество трудов Фома сумел составить благодаря прогрессивной методике работы, в процессе которой ему помогало несколько человек: одни чинили перья и растирали чернила, другие записывали под диктовку, причем Фома мог диктовать несколько текстов одновременно. Собственноручно он писал редко и испытывал некоторые затруднения с письмом – его автографы очень трудно разобрать, к тому же он путал зеркальные буквы и парные слова (типа «право-лево»).

Труды Фомы Аквинского, особенно его «Дискуссионные вопросы» и «Комментарии», явились во многом плодом его преподавательской деятельности, включавшей, согласно традиции того времени, диспуты и чтение авторитетных текстов, сопровождающееся комментариями. На диспутах обычно задавался вопрос, например «Существует ли Бог?», затем студенты придували доводы в пользу тезиса, что Бога не существует. Потом учитель, в противовес этим аргументам, давал свое решение вопроса и ответы на доводы.

Такая структура в урезанном виде сохранилась и в «Сумме теологии», где обычно приводится 3–4 аргумента, а в «Дискуссионных вопросах» их может быть и около 20.

Учение Фомы Аквинского, несмотря на противодействие со стороны традиционалистов (некоторые из томистских положений были осуждены парижским архиепископом Этьеном Тампье в 1277 году), оказало большое влияние на католическую теологию и философию, чему способствовала канонизация Фомы в 1323 году и признание его наиболее авторитетным католическим теологом в энциклике *Aeterni patris* папы Льва XIII в 1879 году. Идеи Фомы Аквинского получили развитие в рамках философского направления, именуемого «томизмом» (его наиболее яркими представителями являются Томмазо де Вио (Казтан) и Ф. Суарес), оказали некоторое влияние на развитие современной мысли (особенно заметно это прослеживается у Лейбница). В течение ряда веков философия Фомы не играла заметной роли в философском диалоге, развиваясь в узкоконфессиональных рамках, но с конца XIX века учение Фомы вновь начинает вызывать широкий интерес и стимулировать актуальные философские исследования; возникает ряд известных под общим наименованием «неотомизм» направлений, активно использующих философию Фомы. Однако и вне неотомизма философия конца XIX – XX века также неоднократно продуктивно обращалась к средневековым концепциям. Вот самые известные примеры: понятие «интенции» у Brentano, в социальной философии (понятие «хабитуса»), в философии языка (например, обращение к формальному анализу высказывания у Романа Якобсона), в аналитической философии (есть даже такое направление – «аналитический томизм»). Влияние Фомы Аквинского распространялось не только на философию, но и в целом на культуру – томизм играет существенную роль в «Улиссе» Джеймса Джойса, в поэтике Поля Клоделя.

Фома Аквинский создал оригинальное учение, но сам он не стремился быть философом и создавать философскую систему. В своих трудах он активно использовал любое мнение, которое считал верным, даже если оно принадлежало язычнику, мусульманину или иудею. С другой стороны, его сочинения зачастую были откликами на актуальные проблемы и споры, а таковых

тогда было немало. Во-первых, европейцы активно общались с мусульманами и многое заимствовали из их культуры. Во-вторых, в самой Европе активизировались различные движения манихейского типа (катары, вальденсы, альбигойцы, богомилы на Востоке), которые католики пытались победить силой. Как раз во время рождения Фомы Аквинского происходил кровопролитный Альбигойский крестовый поход, но уничтожить силой идеологию невозможно. Наконец, внутри самой католической церкви происходили изменения, связанные, в частности, с проникновением арабской философии и через нее аристотелизма, к чему многие католики относились враждебно. И, по существу, все наиболее важные проблемы, над которыми размышлял Фома, были изначально актуальными и публицистическими, но для их решения потребовалось и использование тезауруса мировой философии, и поиск оригинальных решений.

Принцип подхода Фомы Аквинского к иноконфессиональной мысли отличается от того, который господствовал в его эпоху. Так, Бонавентура, полемизируя с учением аверроистов, делает упор на его несовместимость с католическим вероучением. Нечто противоречит Библии – и на этом можно поставить точку. Но такие доводы имеют силу лишь для единоверцев Бонавентуры. Такой принцип можно назвать «исключающим».

Фома Аквинский формулирует «включающий принцип»: с единоверцами, в случае расхождения взглядов, следует полемизировать, опираясь на основы вероучения, с еретиками – опираясь на тексты, признаваемые и католиками, и еретиками, с иноверующими – опираясь на общие принципы и философские доводы. Единственные люди, которые находятся вне полемики – это люди, отрицающие самоочевидные принципы здравого смысла. Их позиция по большей части самопротиворечивая и заставляет усомниться в том, что они сами понимают смысл своих слов (таким самопротиворечивым утверждением будет, например, утверждение «движения не существует» или «люди не обладают способностью познания», так как согласно данным тезисам исповедующий их человек не обладает способностью движения и познания). Поэтому Фома Аквинский говорит о двух путях богопознания: теологии, основанной на Откровении и обращенной к католикам (она изложена в «Сумме теологии»), и теологии, основанной на свете естественного разума, которая не может противоречить теологии Откровения, поскольку и оно,

и разум человеку дарованы Богом (эта теология изложена в «Сумме против язычников», где ведется дискуссия с теми, кто отвергает христианское Писание).

Христианским мыслителям понадобилось обращаться к философии еще в самом начале распространения христианства. Это делалось прежде всего для того, чтобы защищать свою веру от язычников, для которых многие ее постулаты казались безумными (например, сотворение из ничего, воплощение Бога в человеческой природе, триединство Божественных Лиц, воскресение во плоти). Так создавалась христианская апологетика (апология – букв. «речь в защиту»). Но оказалось, что и внутри христианской церкви люди, считающие себя христианами, придерживаются различных точек зрения по самым важным вопросам. Например, являются ли отношения между тремя Лицами иерархическими? Или какова природа Иисуса Христа? Поэтому на первых церковных соборах в результате обсуждения этих вопросов были утверждены догматы, гласящие, что три Лица едины в своем существе, а Иисус Христос в одном Лице соединяет природу Бога и человека. Христианские мыслители, обосновывая свою точку зрения, обращались к философии стоиков (Тертуллиан) или аристотеликов (Немезий Эмесский, позже Дамаскин), но наиболее часто – к философии Платона и неоплатоников. Однако платоническое учение во многих позициях принципиально противоречит христианству, поэтому, используя его доводы и лексику, христиане рисковали отойти от своего вероучения.

Фома Аквинский радикально меняет эту ситуацию. Он показывает, что именно философия Аристотеля, которую он считал самым полным воплощением возможностей естественного разума человека, более соответствует христианскому мировоззрению. Такой пример: христиане верят в жизнь вечную. Но жизнь вечную чего? Платон в своих диалогах приводит множество доказательств бессмертия души, но ценой очищения души от тела. Вообще, согласно Платону, человек – это душа, она временно пользуется телом, будучи заключена в нем, как в темнице. Может ли христианин, верующий в воскресение в теле, использовать платонизм? Аристотель, по мнению арабских комментаторов, отвергает бессмертие души, сохраняя лишь такую возможность для небольшой интеллектуальной части, лишенной каких-либо личностных характе-

ристик. Но Фома Аквинский показывает, что Аристотель скорее ставит вопрос о бессмертии и не дает явного и окончательного ответа. Если проанализировать аристотелевскую психологию и развить содержащиеся в ней потенции, то окажется, что, во-первых, душа человека субстанциально едина, в ней нет отдельных интеллектуальной, чувственной и растительной частей, во-вторых, душа является субстанциальной формой тела; таким образом, если интеллект неразрушим (Фома использует это слово, поскольку о бессмертии можно говорить лишь применительно к человеку в целом), то неразрушима вся душа, а будучи формой тела, она требует воскресения в теле, поскольку природа ничего не творит тщетно. Таким образом, получается, что, в отличие от платоновской, философия Аристотеля не только доказывает неразрушимость души, но и позволяет надеяться на воскрешение в теле.

В начале XIII века в христианском мире распространились различные учения, их можно назвать «манихейскими», по имени Мани, создавшего в III веке в Персии особое понимание мира, в основе которого лежит представление о вечном противоборстве двух начал, благого и злого, и человек, состоящий из души и тела, оказывается на границе этой борьбы. Это учение и его версии принимали и продолжают принимать многие люди, поскольку оно дает простую, удобную и непротиворечивую картину мира.

Христианам было довольно трудно бороться с таким учением; так, Августин был около десяти лет манихеем, затем писал антиманихейские трактаты, но не смог найти действенные аргументы против манихейства, да и сам до конца не освободился от него. Легенда гласит, что Фома Аквинский был приглашен ко двору короля Людовика Святого. Здесь он сидел молча, погруженный в раздумья, а затем ударил кулаком по столу и воскликнул: «Так мы урезоним манихеев!» Для этого ему пришлось разработать особое понимание того, что такое бытие, понимание Бога как Сущего, концепцию «аналогии существования» и понимание зла как лишения блага. Таким образом, существовать и давать существование всему другому может только благо, Бог, а зло обладает лишь несамостоятельным, паразитическим существованием на благе.

Извне в христианский мир активно проникали арабская культура и философия. Во многих европейских университетах стал модным аверроизм —

учение, созданное на основе философии мусульманского мыслителя и комментатора Аристотеля Аверроеса. Аверроизм включал в себя множество позиций, с которыми спорили христиане: учение о двух истинах, божественной и философской, которые могут противоречить друг другу, но одновременно быть верными, учение о вечности мира, о том, что можно достичь высшего блаженства без помощи Бога, ведя созерцательную жизнь... Но наибольшие споры вызывал монопсихизм. Согласно этому учению наш разум отличен от разума другого человека только из-за того, что у нас различные тела и различный чувственный опыт. Если разум отделится от тела, то эти различия исчезнут и наш разум фактически станет единым. Монопсихизм вызывал резкое неприятие Фомы Аквинского, понимавшего человека как существенное единство души и тела и признававшего ценность отдельной личности: каждый человек сотворен Богом и для каждого Христос является Спасителем.

Полемизируя с аверроистами в специально написанном трактате «О единстве интеллекта» (также эта полемика ведется в «Дискуссионном вопросе о душе», в главе 2 из вопроса 76 части первой «Суммы теологии», приводимой в этой книге, и в «Комментариях на трактат “О душе”»), Фома Аквинский использует два подхода. Первый – лингвистический анализ, имеющий целью доказать, что те положения, которые Аверроес и аверроисты приводят в качестве аристотелевских, на самом деле противоречат как подлинному учению Аристотеля, так и его греческим интерпретациям. Фома уличал оппонентов в том, что они либо неверно устанавливают, является то или иное положение мнением самого Аристотеля или же изложением чужой позиции, либо неверно воспринимают модальность сказанного – они часто принимают за утверждение то, что на самом деле является постановкой проблемы, вопросом или гипотезой, либо вырывают ту или иную формулировку из общего контекста аристотелевской философии и даже непосредственно ближайшего контекста трактата «О душе» и наполняют ее совершенно другим смыслом. Второй подход использует путь доказательный, «демонстративный», когда из самоочевидного положения следуют выводы, противоречащие ноологии Аверроеса.

Споры с манихеями и аверроистами совсем не канули в прошлое. И сейчас мы часто можем встретиться с «субстантивацией зла», когда сам человек,

группа людей или страны признаются воплощением зла, а не носителями пороков, и потому их нужно уничтожить, а не исправлять или попытаться понять. Также распространено мнение, что отдельный человек, его мысли и устремления неважны, что он должен подчиняться коллективному разуму, решающему все за него. Если всмотреться в современные политические и социальные споры и баталии, то за сиюминутной конкретикой мы опять можем различить облики манихейства или аверроизма, с которыми сражался Фома Аквинский.

Или еще такой спор — его тема может показаться современному человеку очень странной. В католической мысли возникла идея о чистилище, особом месте между раем и адом, поначалу довольно смутная. Эту идею развивал Фома Аквинский, и после его трудов она стала ясной и общепринятой в католическом мире. Фому тревожил такой вопрос: если есть рай и ад, то куда попадут люди праведные, но родившиеся до рождения Христа и в силу этого не имевшие возможности принять Его учение? Это же не их вина, и было бы несправедливо, если бы они отправились в ад. Или какова посмертная судьба младенцев, которые умерли, не успев принять крещения (а детская смертность была в те времена очень высока)? Фому Аквинского совсем не радовала такая перспектива, что только небольшая группа людей из тех, кому повезло пройти процедуру крещения и которые ни разу в жизни не оступились, окажутся в раю, а остальные — в аду. Поэтому помиморая и ада должны быть места для тех, кто совершил легкие грехи, но может очиститься (чистилище), и для тех, кто не успел принять христианства (лимба праотцов и лимба младенцев).

Важны ли эти рассуждения для современного мира, для решения наших насущных проблем, тем более что и сами католики в 2007 году упразднили учение о лимбе, а вера в ад, рай и чистилище является личным делом, а не религиозной доктриной? В книге «Культура и взрыв» Ю. Лотмана противопоставляются культуры российская и западная. В нашей культуре господствует дихотомическое мировоззрение. Переход от одной противоположности к другой осуществляется при помощи взрыва, сотрясающего общество до самого основания. В рамках такого мировоззрения мы обречены метаться из крайности в крайность, непрерывно уничтожая старое и возводя с нуля новое, которое опять будет разрушено. Западное мировоззрение предполагает нечто

третье, опосредующее, дающее возможность вести диалог, идти на компромиссы, веками накапливать различные ценности. Конечно, на Западе тоже бывают взрывы, но они не затрагивают некоей основы. В Париже на площади (сейчас она красноречиво называется площадью Согласия) может непрерывно работать гильотина, но повседневная жизнь простого провинциального буржуа или крестьянина при этом мало меняется. О причинах такой ориентации на дихотомию или трихотомию Лотман говорил еще в 1977 году в статье, написанной совместно с Б. Успенским («Роль дуальных моделей в динамике русской культуры (до конца XVIII века)»). В этой статье авторы усматривают причину в том, что, в то время как в русской культуре было жесткое противопоставление ада и рая, в католической культуре разрабатывалось учение о некотором медиаторе – чистилище.

В противовес манихейству и монопсихизму Фома Аквинский занимается утверждением понятия, которое станет ключевым для европейской культуры, – личности. Изначально слово «личность» (*πρόσωπον* по-гречески или *persona* по-латински) значило нечто противоположное современному пониманию, обозначая неподвижную маску, личину, надеваемую актером на сцене. Эта маска имела раструб у рта, чтобы речь звучала громче, и с этим связывали этимологию этого слова, возводя его к глаголу *personare* – «громко звучать»; но такая этимологизация неверна, поскольку в этих двух словах различное количество гласного «o».

«Персона» также является фундаментальным понятием римской юриспруденции (наряду с «вещью» и «действием»), обозначая человека как индивидуума, занимающего конкретное положение в социуме, в то время как *homo* обозначает его как экземпляр вида, а *caput* – как единицу, подлежащую сбору податей или военной обязанности. В правовом смысле персоной может считаться любое юридическое лицо, но не каждый человек: например, раб не является персоной.

Совсем другой смысл это слово обрело в христианстве эпохи первых соборов, когда велись тринитарные и христологические споры: Троица – три персоны одной природы, а Христос – одна персона, соединяющая две природы. То есть персона, личность – прежде всего Бог. Но человек, согласно Писанию, создан по образу и подобию Бога. Он несет в себе нечто божественное,

например, в триединой структуре психики, о чем писал Августин. Для Фомы Аквинского это подобие заключается в том, что человек наделен неким достоинством (опять-таки слово, получившее специфическое значение в тринитарных спорах), обладая способностью мыслить и совершать свободный выбор, хотя и несовершенным образом, и поэтому может познавать Бога и стремиться к нему, совершенствуя это достоинство.

Истоки новоевропейского представления о достоинстве обычно связывают с периодом Возрождения и Нового времени. Но это понятие широко употребляется в трудах Фомы Аквинского (около 2500 мест). Правда, само слово «достоинство» он употребляет в различных смыслах и различных контекстах, не только для обозначения сущностного свойства личности. Однако эти словоупотребления также представляются важными, поскольку оказывают влияние на интересующее нас употребление. Во-первых, слово «достоинство» используется для перевода греческого слова «аксиома», также этимологически связанного с понятием аксиос — достойный. В этом смысле достоинство — это основоположение, ясное само по себе, необходимым образом находящееся в разуме и наделяющее ясностью и необходимостью все остальные положения, основанные на нем. Во-вторых, это слово относится к божественной сущности и активно используется в тринитарных спорах, например, при обсуждении вопроса, являются ли достоинства Отца (в том числе и отцовство) теми же самыми, что и Сына, если они едины по сущности.

Третье словоупотребление, в отношении к человеческой личности, можно рассматривать как исток современного употребления. Достоинство — это то, что присуще личности в ее единстве и уникальности и является ее основанием (отметим, что в современном понимании скорее из личности проистекает ее достоинство, чем из достоинства личность). Согласно Фоме Аквинскому, личность — это «то, что является наиболее совершенным во всей природе», для нее существенно быть господином своих действий, «действовать, а не приводиться в действие». Достоинство личности обозначает, что она не может использоваться как средство, но сама является целью в себе (это положение предвосхищает формулировку категорического императива Канта: «относись к другому (и к самому себе) как к цели, а не как к средству»).

К достоинству личности прежде всего относится ее разумность. Вопросам об интеллекте человека, о познании посвящена большая часть «Трактата о человеке» из «Суммы теологии». Человеку дан разум, чтобы он мог познавать себя и окружающий мир, совершать разумные поступки и устремляться к Богу. Такой интеллектуализм разделялся далеко не всеми мыслителями той эпохи. Многие ученики Альберта Великого становились мистиками, учившими о непосредственной связи людей с Богом. В жизни Фомы Аквинского также были моменты озарения, во время которых он даже, согласно легендам, поднимался над землей, что, должно быть, было очень эффектно, учитывая его вес. Однако мистические озарения бывают крайне редко и у небольшого числа людей. Ведь человек создан не ангелом, он связан с телом и послан в материальный мир, и его разум озарен лишь небольшим огоньком, в котором мы можем интуитивно созерцать нечто, принимаемое нами за аксиомы, а затем от них переходить от одного познания к другому, постепенно расширяя наше понимание. Другие мыслители, в основном относящиеся к францисканскому ордену, ставили выше разума волю и любовь. Но воля стремится ко благу, чтобы такое стремление было и чтобы оно было правильным, нам нужно прежде познать разумом, что это – благо.

Наряду с разумом человеку дан и другой (но связанный с первым) дар – свобода воли. Проблема свободы воли – одна из основных тем европейской метафизики, начиная с Аристотеля и по сей день. И это не удивительно, ведь сама суть европейской цивилизации неразрывно связана с этой проблемой, причем «свобода воли» представляет собой «тотальный факт», имеющий религиозные, социальные, юридические, экономические, культурные и психологические импликации. Само существование целого ряда институтов: педагогических, экономических, юридических и проч. – зависит от определенного понимания свободы воли. Но именно в Средние века, и особенно в трудах Фомы Аквинского, было выработано то понимание свободы воли, которое легло в основу современного понимания личности. Это может показаться удивительным, поскольку человек в эту эпоху был сильно зависим от исторических событий, от материальных, природных потребностей и условий, от влияния небесных тел, от универсальных рациональных концептов, от влияния дьявольских сил и, наконец, от Божественного всеведения и предо-